

Из религиозного мира.

Гомель к моменту Октябрьской революции представлял собою крупный еврейский религиозный центр. Волна беженцев из Польши и Литвы внесла сильное оживление в местную религиозную жизнь. Появились крупные раввинские авторитеты, как-то—Хофец-Хаим, реб Ейзл и др. Вместе с ними перекочевали и ешиботы (школы талмуда) со всем своим живым и мертвым инвентарем: ешиботниками и кипами талмуда. На улицах города появились фигуры, одетые в традиционные еврейско-польские костюмы: длинные халаты, из под которых выглядывали на свет божий ципицы (нити, вплетаемые религиозными евреями в арбакаифес—нечто вроде нагрудника). Проходя мимо разных синагог, можно было услышать гул голосов. Это ешиботники занимались талмудом. Ешиботников-беженцев было несколько сот человек. Постепенно к ним стали примыкать и местные юноши. Я в это время занимался изучением талмуда под руководством преподавателя в одном из ешиботов. Последнее обстоятельство дало мне возможность довольно часто заходить в ешибот и лично наблюдать его внутреннюю жизнь.

Помещался ешибот в нескольких синагогах. Днем и вечером здесь происходили занятия, а ночью синагоги превращались в общежития. Ученики спали на скамейках или же на наспех сколоченных, деревянных «толчанах». В синагогах царствовала грязь во всех ее формах и сочетаниях. Немудрено, что ешиботники много болели и даже умирали от тифа и пр.

Во главе ешибота стояли рош-ешива (ректор)—раввин реб Ейзл, массивный, крепкий старик, руково-

дивший учениками при помощи целой оравы «раввинов-ассистентов». Ешиботники по своим знаниям делились на ряд «кипот» (групп). Каждой группой руководил тот или иной раввин. Определенного метода преподавания не существовало. По целым дням занимались таалмудом, а по вечерам «мусером». Мусер,— это религиозная философия, лейтмотивом которой служит величие бога, бренность всего земного, греховность людская, суровость высшего суда и необходимость покаяния. Занятия мусером затягивались до полуночи, при чем сопровождалась общей бегопней по синагоге, диким завыванием и весьма странными телодвижениями. Когда я в первый раз увидел картину занятий мусером, то мне показалось, что я очутился среди буйно-помешанных.

Внутренняя дисциплина ешибота была довольно сурова. Побеседовать с девушкой, не говоря уже о том, чтобы погулять с ней по улице, считалось великим преступлением. Поддерживалась дисциплина исключительно благодаря материальной зависимости ешиботников. Дело в том, что источником существования ешиботника являлись, с одной стороны тег—«дни», а с другой стороны, пособия, выдаваемые еврейским комитетом помощи беженцам. «Дни» состояли в том, что более набожные евреи принимали по одному ешиботнику раз в неделю на дневное пропитание. Получение пособий зависело от санкции «рош-ешива». Больнодумство, аписорит (собственно «эпикурейство», от философии Эпикура), влекло за собою исключение из ешибота, а следовательно, и утрату источника существования. Найти же себе какую-либо работу для выходца из ешибота было делом весьма и весьма трудным, так как в последнем вращивали людей совершенно неспособных к борьбе за существование.

В массе своей ешиботники тупо подчинялись дисциплине, опасаясь лишиться своей ежедневной порции картофеля с луком. Но отдельные бунтари появлялись и на этом сереньком горизонте. Однажды было обнаружено, что der pinsker (юноши в ешиботе именовались не по фамилиям, а по названию города, вы-

ходцами откуда они были) читает нерелигиозную литературу. У него нашли роман на древне-еврейском языке. На место происшествия был немедленно вызван «рош-ешива». Последний обратился к «преступнику» с длинной речью, перепревшего цитатами из Библии, Псалма и других «священных» книг, подкрепила свою речь увесистой, звонкой пощечиной и изгнал юношу из ешибота...

В громадном большинстве своем ешиботники были узкими карьеристами, поступали сюда исключительно с целью занятия впоследствии «раввинского престола», со всеми земными благами, соответственными сему. И лишь единичные юноши являлись искренними, глубоко верующими фанатиками. У последних фанатизм доходил до средневековой дикости. Однажды, сидя в синагоге, я случайно снял фуражку и вдруг почувствовал, как чьи-то пальцы впились в мои волосы, к несчастью в то время довольно длинные, и стали тянуть... От боли и неожиданности я невольно закричал. Присутствовавшие при этом ешиботники бросились освобождать мою голову. Но пальцы держали крепко. И только тогда, когда кто-то догадался прикрыть мою голову фуражкой, ешиботник-фанатик оставил в покое мою голову, захватив с собою целый клочок волос...

Темнота ешиботников тщательно оберегалась руководителями. Они были отделены от живого мира китайской стеной мракобесия. И нужно отдать должное руководителям: темнота была абсолютная. Лишь средневековая схоластика распускалась махровым цветом. Приведу пару типичных схоластических рассуждений, сохранившихся еще у меня в памяти:

1) Бык радуется, если его режет шойхет (резник) по правилам еврейской религии, и когда он приходит на пот свет, то он свою благодарность выражает господу богу.

2) Откуда мы знаем о существовании бога? А откуда мы знаем о существовании Африки?

Так же, как птицы небесные разносят весть о существовании Африки, так и люди разносят весть о существовании бога.

Не нужно забывать, что все это происходило в 1917 году, то-есть в наиболее кипучее революционное время в России.

Оригинально преломлялись в мозгу ешиботников сообщения о революционных событиях. «Николай, — говорили они, — нарочно разыгрывает комедии для того, чтобы обнаружить всех крамольников и бунтарей».

Февральской революции так и не удалось всколыхнуть гущу ешибота.

Кроме ешибота, Гомель в это время имел в своих стенах довольно много начальных религиозных школ — хедеров. Большинство этих хедеров были построены по типу старого хедера XIX века, почти без всяких изменений. Здесь все еще господствовала система плетки, порки и обильных оплеух. Обстановка хедера могла бы напомнить собою все, что угодно, но никаким образом не школьную обстановку. Хедер обыкновенно занимал лишь одну комнату. Посреди комнаты находился стол, несколько длинных деревянных скамеек, а иногда и пара стульев. Вкруг стола размещались ученики. Здесь же под боком возилась «ребецен» (жена меламеда-учителя) со своими ребятишками и помойной лоханкой. В душевой комнате носились туманные испарения кухни, пеленок и т. п. Визг ребятишек сливался с голосами учеников, чивавших библию нараспев, и понуканием меламеда в какой-то водоворот звуков. Занятия происходили с утра до вечера. О школьной гигиене и санитарии и говорить не приходится. Меламеды не имели никакого понятия о педагогике. Детям просто-напросто вдавливали в голову молитвы, определенные главы библии и баста. Хедерное воспитание велось совершенно беспорядочно, калечило детей физически и нравственно.

По своему социальному составу учащиеся хедеров принадлежали, главным образом, к мещанству и бедноте, не имевшим возможности, по причинам отчасти материальным, а отчасти правовым, посылать детей в общие школы. Еврейская же буржуазия, с пеной у рта защищавшая неприкосновенность старого хедера, своих детей посылала в гимназии...

Правда, начали появляться и так называемые образцовые хедеры. В отличие от старого хедера мы здесь находим уже классную обстановку и молодых меламедов, с претензией на знание педагогики. Образцовые хедеры имели сионистский уклон. Однако, успехом они не пользовались: еврейской массе были непонятны стремления этих сионистски-европеизированных хедеров.

Гомель 1917 года представляет собою, кроме всего прочего, также и крутящий хасидский центр (хасиды — еврейская религиозная секта). Кафедру хасидизма занимал и поныне занимает раввин Шнеерсон — потомок знаменитых хасидских цадиков (раввинов-«чудотворцев»): старого реби, реби Менделе и других. Шнеерсон — полный старик лет 60-ти, среднего роста, с длинной седой бородой. Деятельность Шнеерсона не ограничивалась выполнением обычных функций раввина, как-то: разрешение спорных вопросов ритуального характера, например, о «трафном» и «кошерном» и пр. По субботам и по праздникам он регулярно читал лекции по философии хасидизма. Как человек неглупый и порядочный лектор, он успел собрать вокруг себя значительную свиту постоянных слушателей и почитателей. Любопытно, что в этой компании почти отсутствовала еврейская беднота. Зато все крупные буржуа города были налицо. Лекции по хасидизму читались на квартире Шнеерсона в большом зале. Число посетителей достигало 150 человек. Обставлен зал был весьма просто: большие столы, скамейки, немного стульев. На этом фоне резко выделялось глубокое кресло Шнеерсона, обитое зеленым бархатом, — настоящий раввинский «престол». При входе Шнеерсона в зал все вставали, оставаясь на ногах до тех пор, пока он не сядет. Говорил он негромко с однообразным напевом, мерно покачиваясь в такт. В зале во время лекции царил тишина. Обстановка, повидимому, располагала ко сну. Бывало, Шнеерсон обратит свой благосклонный взор на кого-нибудь близко сидящего и покачивается в его сторону, как будто обращается только к нему одному. А топ на

слова раввина сначала кивает головой в знак согласия, потом голова перестает кивать, опускается ниже и ниже, глаза слипаются и, наконец, раздается легкий храп. Засыпать во время «хсидус» стало явлением обычным, и хасиды шутили: «Когда человек спит во время «хсидус», душа его уносится в рай, где ее улаживают звуки небесной музыки».

Кроме Шнеерсона в городе видную роль играл еще раввин-миснагед (миснагды—другая еврейская религиозная секта, враждебная хасидам). Но о нем речь еще будет впереди.

Ешиботы, хедеры, раввинские проповеди, оказывали влияние на массу,—она оставалась религиозной.

Синагоги,—а их было около тридцати,—в праздничные дни были переполнены, авторитет раввинов непоколебим. В праздники город изменял свой внешний облик: магазины закрывались, утром к синагогам тянулись вереницы евреев, днем молодежь выбиралась гулять на улицу. Уличное оживление, нарядные одежды, и самые лица людские свидетельствовали о том, что день праздничный.

Быт насквозь был пропитан религиозным духом. Браки заключались по всем правилам еврейской религии, с благословения раввина, под неизменной хупе (свадебный балдахин). О браке гражданском или о браке с не евреем никто и думать не смел. Новорожденные мальчики подвергались обрезанию, при благожелательном участии мохела (мохел—религиозный служитель, производящий обрезание). Еврейские пепухи и курь резались особым резником, тоже по всем правилам еврейского ритуала. По пятницам люди готовились к встрече субботы: производили генеральную уборку дома, пекли белые булочки—халес, а по вечерам зажигали свечи, ели цимес—сладкое блюдо из фруктов или моркови, и пр.

Само собой понятно, что при таком положении дел экономическое состояние еврейских религиозных учреждений было довольно приличное. Раввины, резники и другие религиозные служители, хотя и не получали определенного жалованья, тем не менее, имели доходы, достаточные для жизни.

Раскаты Октябрьской революции потом докатились и до Гомеля, но в 1917 году это еще не успело сказаться, а вскоре город попал в зону немецкой оккупации. Немцы пробыли в Гомеле с марта 1918 года по январь 1919 года. Оккупация служила преградой для проникновения в широкие массы каких бы то ни было революционных идей. Ешиботы существуют по-прежнему, раввины по-прежнему читают свои проповеди в переполненных синагогах. В общем, тишь, гладь да божья благодать.

Но вот немцы уходят, в город вступает Красная армия. Тогда-то в Гомеле и начинаются октябрьские дни. Частицы революционного вихря начинают проникать и внедряться в повседневную жизнь. Пробив брешь в «китайской стене», попадают они и в ешибот. И здесь начинается как бы процесс сухой перегонки: разложение идет сначала довольно медленно, лишь постепенно ускоряясь. Ускорению способствует экономический упадок Гомеля. «Дни» больше не существуют. Мещане обеднели. Еврейский комитет помощи прекращает свою деятельность. В результате неизбежное сокращение «штатов» ешибота. Часть «сокращенных» увлекается в бурлящий попок революции.

Революционную карьеру одного из таких ешиботников Л. мне удалось проследить до сего года. Выйдя из ешибота Л. поступает в Комсомол, активно работает в комитете последнего, затем уезжает в Ленинград на рабфак. Теперь он служит рабочим на металлургическом заводе. И таких было немало. Но все остальные ешиботники, очутившись без «дней» и без гроша в кармане, были вынуждены начать борьбу за существование, ибо голод не шутка. Многие появляются с лошками на рынке, другие — беженцы — возвращаются на родину и только совсем небольшая группа фанатиков остается в ешиботе. Преподавательский персонал, в лице раввинов, большей частью также возвращается на родину. Так идет процесс разложения религиозной твердьни—ешибота.

Молодежь уходит в Комсомол, постарше—в РКП. Среди последних попадают и религиозные служители.

Шамош (служка) одной из синагог Х. и поныне является активным работником местной еврейской секции РКП. Но и среди беспартийных, главным образом молодежи, оставшихся в стороне от революции, «крамола» распространяется все шире и шире. Синагоги с каждым днем пустеют. Среди прихожан, «верных богу и святой вере», молодежи не осталось. По углам синагог видны лишь морщинистые лица и длинные седые бороды.

Остановлюсь на «процессе испарения» молодежи из одной мелкой синагоги. Синагога эта находилась на улице, где я жил. И прежде молодежи здесь было немного, но тут уж совсем не стало. Молодой заготовщик Х., регулярно посещавший синагогу, вдруг оказывается в отряде коммунистов, защищавших город от белогвардейских банд, другой рабочий К. меняет свое место в синагоге на шинель красноармейца, вступает в пролетарский батальон и отправляется на польский фронт, третий уходит работать в Чрезвычайную Комиссию, другие просто перестали ходить в синагогу. Тут и РКП начинает антирелигиозную агитацию. Устраиваются многочисленные митинги. В наиболее крупные праздники — пасху, йом-кипур («судный день») организуются антирелигиозные демонстрации. В демонстрациях принимает участие преимущественно молодежь. Стариков эти демонстрации возмущают. В страхе перед небывалым примером мирского нечестия они поговаривают о *Moschiah's Zeitn* (мессиянских временах) и о гибели мира.

Одна из таких демонстраций резко запечатлелась у меня в памяти. Осень 1920 года, йом-кипур, яркий солнечный день. На площадь Труда, где сконцентрировались наиболее крупные синагоги города, числом до пяти, прибыла демонстрация с оркестром музыки. Тотчас же был устроен антирелигиозный митинг, и после речи каждого оратора оркестр исполнял тот или иной революционный гимн. И вот из синагог начала появляться сначала детвора. Как видно ребятам понравилось то, что происходило на площади, и обратно в синагогу они уже не вернулись. Затем начали

появляться и молящиеся в своих taleisim (религиозное облачение). Они собираются в возбужденные кучки. Слышны гневные восклицания, видны возбужденные лица, но постепенно и здесь все успокаиваются. Часть возвращается обратно в синагоги, часть же остается до конца, совершенно позабыв, что им-то уж никак не подобает присутствовать на антирелигиозном митинге, да еще в священном одеянии.

Нужно отметить, что антирелигиозная агитация в то время не имела систематически-последовательного характера. Она велась в ударном порядке, вспышками, толчками. Главным оружием антирелигиозной борьбы была революционная сапиря. Тем не менее, и эта несистематическая работа оказывала сильное действие, в особенности на молодые умы, подрывая авторитет религии.

Представители религии стремятся, в свою очередь, удержать за собою позиции, используя всякие благоприятные для себя моменты.

Одним из таких моментов был бандитизм. В 1921 году в Гомельской губернии бесчинствует целый ряд крупных и мелких банд (Галака и др.) с общими лозунгами: «Бей жидов, спасай Россию», «Бей жидов и коммунистов». То отсюда, то оттуда поступают сведения о гибели отдельных еврейских семейств в деревнях, об убийствах корабейников и разных еврейских торговцев, разъезжающих по деревням. Шоссейные и водные пути становятся опасными для евреев. Самые формы убийств — кошмарны. Издевательства чудовищны. Изнасилование женщин, распление детей были лишь наиболее мягкими приемами. Рассказывали о вспарывании живота, постепенном опрезании различных органов тела и т. д.

Наконец, появляются сообщения о ночном нападении банды Галака на местечко Добрянку, Черниговской губернии. Местечко было предано огню и мечу. Немногим счастливым удалось спастись в лес. На крестьянских повозках еврейские семьи, оставив все свое имущество, спасались в Гомель, забывая по дороге в лесу то часть клади, то ребенка... Трудно

изложить на бумаге «деятельность» Галака и подобных ему «спасителей России».

Верующее еврейство прибегает к старому «испытанному» средству. Ясно и очевидно что погромы происходят *al avafotepи narabim* (вследствие грехов наших тяжких). Объявляется пост. Раввин Баришанский читает в синагоге *hesped* (надгробное слово), призывая всех покаяться в грехах своих. «Покаянческое» настроение начинает носиться в воздухе, но внедриться ему не удалось, так как энергичные меры, предпринятые Чрезвычайной Комиссией, скоро покончили с наиболее крупными бандами, в том числе и с Галаком. Покаянческое настроение исчезло так же быстро, как и появилось. Авторитет религии был уже слаб.

В конце 1921 и в начале 1922 года начинается официальное закрытие ешиботов и хедеров. На этой почве происходит столкновение властей с раввинами. Раввин Баришанский с амвона проливает крокодиловы слезы, он проповедует необходимость дальнейшего существования хедеров, «этого единственного жизненного источника еврейства».

Его агитация, наконец, обращает на себя внимание власти. В результате — арест раввина Баришанского и его ближайших приспешников, а через несколько месяцев, летом 1922 г., суд над ними.

Обстановка суда была довольно оригинальная. Суд происходил в местном театре. Спол, за которым сидели судьи, покрыт был красным сукном, по стенам зала расклеены красные революционные плакаты, а в углу — группа подсудимых одетых во все черное: длинные сюртуки и ермолки. Дело слушалось на еврейском языке, вход в зал допускался по билетам, распределенным по профсоюзам. Суд приобрел широкое общественное значение, так как это был суд не только над раввином Баришанским, а суд над старым хедером, ешиботом, над вековыми устоями старого еврейства.

Любопытно, что наиболее мыслящая часть верующих соглашалась с необходимостью закрыть хедер. Так один уважаемый в религиозных кругах еврей в споре с защитниками старого хедера заявил: «Глу-

поспи, ни я, ни вы своих детей пуда не пошлем. Для кого же вы хотите оставить хедер? Для «Рва»?..» «Ров» — квартал города Гомеля, расположенный в котловине, гнездо еврейской бедноты. Домишки строились здесь без уборных и помойных ям и просто без всяких дворов. Мусор, отбросы, выбрасывались прямо на улицу. По узким закоулкам, которые назывались улицами, стояла невыносимая вонь. Весной тающий снег сносил в ров всю городскую грязь. Девчора бледная, грязная, оборванная вырастала здесь же в грязи и вони. И этот квартал расположен не на какой-нибудь заброшенной, глухой окраине города, а в самом центре его. Слово «ров» служило у местного еврейского мещанства синонимом нищеты и порока.

Революция изменила внешний облик «Рва»: проведена примитивная канализация, есть электричество. Большое количество детей «Рва» находится в пионерских отрядах и школах.

На суде были заколочены последние гвозди в гроб старого хедера. Хедеры были окончательно ликвидированы. И теперь, если кто-либо из религиозно-настроенных родителей желает обучить своих детей «кадешу» (кадеш — поминальная молитва, читается сыном после смерти отца), или «черным точкам» («черными точками» называются в простонародье «священные» книги), то приходится приглашать меламеда к себе на дом. Старику меламеру приходится на своих собственных ногах бродить по урокам, которые оплачиваются весьма и весьма скудно (3—4 рубля в месяц). Говоря о меламере, люди обыкновенно уныло покачивают головой: «Ну, что же ему делать, когда жена и дети, да сохранит их господь от дурного глаза, хотя и есть». Часть меламедов кое-как приспособилась к новой жизни, бросив свои старые занятия.

Еврейская рабочая общественность не удовлетворялась закрытием хедеров. Целый ряд рабочих конференций, собраний профсоюзов выносят резолюции с требованием использовать часть городских синагог для общественных нужд. Под влиянием их и

происходит реквизиция наиболее крупных синагог города. Под реквизицию попадает и главная синагога, построенная и подаренная графом Румянцевым гомельской еврейской общине. Синагога представляла собою историко-художественную ценность, а потому местный музей имени Луначарского обратился к властям с ходатайством не отбирать эту синагогу. Ходатайство музея было отклонено и лишь центральные органы, куда последний обратился, предписали оставить синагогу в покое. Но предписание опоздало, так как в синагоге уже начались работы по переустройству ее в клуб и, таким образом, ее историко-художественная ценность умалилась. Зато теперь в бывшей главной синагоге помещается зал горсовета. Здесь часто устраиваются рабочие конференции, доклады, красные октябрины.

На октябринах мне раз удалось побывать. Два новорожденных еврейских мальчика—дети рабочих печатников—были встречены на пороге своей жизни не болью обрезания, а радостными приветствиями строителей новой жизни: пионеров, Комсомола и других партийных и общественных организаций.

В другой крупной синагоге, — бывшей резиденции Шнеерсона, ныне устроена сапожная фабрика. И там, где раньше раздавались молитвы небесному богу, теперь слышен гул молотков и песни рабочих. Остальные реквизированные синагоги тоже использованы для различных советских учреждений.

Религиозной общины, как целого, в 1923 году уже не существовало. Каждая синагога, каждый раввин ведут свою собственную, независимую линию. Очевидно, что такое положение вещей способствовало лишь дальнейшему разложению. Дело доходило до того, что в некоторых синагогах по пятницам к вечерней молитве нет *миним'а* (минимум в 10 человек, необходимый для молитвы) и приходилось всячески изворачиваться, чтобы еще кого-нибудь заманить на молитву. Служка—шамеш выходит на улицу и приглашает проходящих мимо стариков-евреев. Иногда ему не удается зазвать старика и тогда приходится

обращаться к молодежи. Однажды я проходил мимо синагоги Карасика. Вид и пон подошедшего ко мне шамеса был более чем жалобный. Я куда-то спешил и потому не последовал приглашению помолиться. «Ну, и времячко»,—послышалось мне вдогонку. Даже по субботам, во время упренней молитвы, в синагоге нет многих прихожан. Здесь, кроме чисто религиозных причин, есть еще причины экономические. Дело в том, что для служащих госучреждений суббота обычный рабочий день. Вопрос о работе в день субботний раньше являлся для религиозного еврея чрезвычайно серьезным. Но теперь обстоятельства изменились. Приходится или работать по субботам, или уходить со службы. И, конечно, все ходят на службу. Характерно, что после того, как сама жизнь разрешила этот вопрос, последовала соответствующая «ратификация» со стороны представителей религии. Крупный раввинский авторитет высказался по данному вопросу следующим образом: «Советские служащие—те же солдаты. Как с последних всевышних не взыщут за употребление претной пищи из солдатского котла, так и с первых за нарушение святости субботнего отдыха».

Развал и неурядица в религиозной общине продолжают в течение всего 1923 года. В начале 1924 года замечается некоторое оживление. От хасидского вождя—Любавичского раввина—получаются воззвания с призывом организовать новую религиозную общину. Такие же воззвания от него рассылаются по всем городам СССР. Начинают подумывать об организации собрания всех верующих. Надо же, ведь, снова стать твердою ногою на «путь истинный». Но сердца «верных сынов Израиля» полны великого страха: «а вдруг придут и заберут всех?» Понадобилось целых два месяца для того, чтобы эти опасения слегка рассеялись. В конце апреля, с разрешения административного отдела исполкома, состоялось общее собрание верующих—весьма немногочисленное. Предосторожности ради на собрании не было ни одного раввина. Собрание выносит резолюцию об

организации общины. Избирается совет. В совет, как это ни странно, раввины не попадают. Повидимому, это сделано по «внешнеполитическим» причинам. Наконец, «Иудейская религиозная община», «Ados isroel» зарегистрирована в губисполкоме и приступает к «работе».

«Наша община, община нового типа»,—говорил мне секретарь общины, плотный мужчина средних лет, всегда стоявший за «демократию». На нем новые веяния отражаются тем, что его жена по субботам гадает на картах... «Наша община,—продолжал секретарь,—занимается исключительно делами религиозными: наблюдает за правильным кошерным убоем скота, наблюдает за «микве» (особый бассейн со стоячей водой, в котором религиозные евреи совершают обряд омовения). Будучи не в силах при помощи только мужчин следить за «микве», совет общины обратился к еврейским женщинам со специальным манифестом на еврейском жаргоне: «Ко всем еврейским женщинам.—Так как микве является важнейшей заповедью у евреев и мы, мужчины, сами не можем уследить за тем, чтобы все было, как следует быть, то ваш долг, женщины—праведницы, организовать в кружок и взяться за работу. За это бог продлит вашу жизнь. Аминь. За всеми справками обращаться к председателю общины, реб Ш. Лурье.» Здесь мы встречаемся с небывалым, пожалуй, во всей истории еврейской религии, фактом: «гордые мужи», возносящие ежедневно господу свою благодарность за то, что он не создал их женщинами, вдруг обращаются к женщинам, как к равным себе созданиям и приглашают их для совместной работы. Чудеса да и только!

В ведении общины находится также и кладбище. Община ремонтирует beis tahare (домик на кладбище, где производится омовение трупов), возводит новый забор и т. д. Интересно, что теперь самоубийц не хоронят уже вне ограды, а там же, где и всех покойников, правда, на отдельной площадке. Это нововведение объяснили мне так: «Самоубийцы не принадле-

жат к категории «hamiabdim es azmot Idaas» (губящих себя сознательно), ибо в момент самоубийства они находятся в состоянии бессознательном, в состоянии сумашествия».

Община содержит прех «кабинетных» раввинов, получающих содержание. Остальные городские раввины никакого пособия от общины не получают. Они живут на крайне скудные добровольные взносы прихожан своей особой синагоги. Вообще, как это ни странно, синагоги являются величинами, независимыми от общины.

Некоторые синагоги даже сепаратно выступают на путь религиозных реформ. Так, прихожане одной из синагог постановили: «1) отменить плевков в oleinu (молитва, в которой благодарят бога за то, что он не сотворил евреев язычниками,—ибо это «шовинистическое дело», 2) отменить прыжок во время kedeisch (молитва), 3) снять занавеску с галереи женского отделения, ибо это дико, 4) не целовать пору и цицис, ибо это негигиенично...»

Любопытны также меры борьбы с разговорами в синагогах во время молитвы. Бродя по синагогам, я наткнулся на следующие объявления: 1) «Просят не разговаривать во время молитвы. Разговаривающие будут иметь неприятности». 2) «Так как разговор в синагоге идет вразрез с волей бога и государства, то просьба не разговаривать. Неподчиняющиеся данному правилу будут наказаны по законам бога и государства.» Авторитет бога, повидимому, так уменьшился, что приходится его подкреплять более реальным авторитетом государства.

Финансы общины складываются из добровольного ежемесячного самообложения членов. Взносы взимаются следующим образом: весь город делится на районы, каждый район поручается особому «фининспектору». «Фининспектор» обходит всех членов общины и собирает взносы. Поступление последних идет весьма туго. В виду этого совет общины решается на чрезвычайную, героическую меру.—Во всех синагогах объявляется о том, что каждому жертво-

прения. Бесперывно, но тщетно председатель звонит в колокольчик. Прения продолжаются в том же духе до конца заседания.

Так работает иудейская религиозная община «Ados isroel».

А жизнь вокруг бурлит. Старое перемешивается с новым в один мутный водоворот и в нем трудно разобрать, чего больше, старого или нового.

На базаре попрежнему в пятницу идет бойкая торговля морковью для цимеса.

«Свежая рыба, еврей! Свежая рыба, еврей! А mizve af schabes—хорошо для субботы!» По-прежнему во многих домах по пятницам готовятся к встрече субботы: выпечка хлеба приурочена к пятнице, в пятницу производится генеральная уборка дома. Но бывает и так: бродя в пятницу вечером по «рву», я заглянул в один из его невзрачных домишек. Глазам моим представилась следующая картина: лежат халес, горят свечи, а за тем же столом сидит молодой человек и аппетитно уписывает... свинину. А вот как-раз обратное: 1-го мая группа рабочих устроила вечеринку. За ужином фигурировали все традиционные еврейские блюда, начиная с печенки и редьки, и кончая кугелем (кугель—род пуддинга) и цимесом.

В день tischo b'ov (день разрушения храма) на кладбище с раннего утра потянулись евреи, — это были преимущественно старики и старухи. Они пришли поведать печали своим дорогим покойникам, чтобы те передали о них господу богу. Тут и там на кладбище мелькали также и группы молодежи с ленинскими значками на груди. Вот одна такая группа подходит к воротам кладбища. Там представитель общины собирает пожертвования на ремонт кладбища. «Пожертвуйте, еврей», — обращается он к молодежи. «Мы здесь лежать не будем», — раздается гордый ответ. «Зачем же вы сюда ходите?» «А наши родители, ведь, лежат здесь». И толпа уносит их дальше. А вот другая группа молодежи, расположившись вокруг могилы, ведет тихую беседу. А в воздухе плавают густым туманом причитания и завывания на еврей-

ском языке. Вдруг, резко выделяясь, раздаются причитания по-русски. Это плачет молодая девушка. «Скажите ей — запрещали кругом спарухи, — что там понимают и по-еврейски»...

Но есть темные уголки совсем забытые жизнью, где все еще царит седая традиция. В один из субботних вечеров заглянул я к Шнеерсону. Обычно в это время раввин читает «хсидус». В небольшой комнате было человек 10—12. Все глубокие старики. Обстановка комнаты самая обыкновенная, в углу все то же неизменное зеленое кресло. Аудитория была уже в полном сборе, и раввин сидел в кресле. Внешние знаки почтения к его священной особе исчезли. Никто не встает при его появлении, чувствуется чисто-домашнее отношение к нему. В этот вечер шла беседа о величии первых руководителей хасидизма, а также о ничтожестве современных. Раввин и все остальные рассказывали легенды о великой прозорливости первых цадиков. Вот одна из легенд: «К любавичскому цадик ребе Менделе, обратилась агуна (женщина, оставленная мужем) с просьбой помочь ей в ее горе. «Поезжай, дочь моя, — сказал ребе Менделе в большой город, как-то: Гомель, и обратись там к местному раввину». «Агуна» последовала совету цадика. Приехала в Гомель и обратилась к местному раввину. А тот и понятия не имел о муже «агуны». Но, ведь, ребе Менделе послал не спроста. И вот начались поиски мужа по городу. Один из хасидов — поставщик провианта в местную тюрьму — решил поискать его в тюрьме. Но его там не оказалось. Вдруг этому хасиду сообщают о прибытии в тюрьму новой партии арестованных. Среди последних и нашли мужа той женщины.

Настроение присутствующих начало повышаться. «Если бы наши цадики оставались в живых и если бы коммунисты узнали их величие, то они никогда не посягнули бы поднять руку против еврейской религии», — пылко воскликнул один хасид.

«Ко мне обратился один молодой человек с вопросом, — сказал Шнеерсон — что, мол, будет делать

господь бог, ведь он потерял почти всех евреев? И я ему ответил, что основной капитал бога — 60.000 человек, освобожденных им из Египта, цел и неприкосновенен, и он всегда найдет их в различных углах земли. «Вы же знаете, еврейская религия нашла себе новое убежище — Америку. В Америке процветает изучение святой торы, раввинов там встречают с необыкновенным почетом. Центр еврейства передвинулся из Европы в Америку. Искра божья еще не погасла», — закончил Шнеерсон.

Религиозное настроение достигло своего апогея. Присутствующие запынули хасидскую мелодию. На несколько мгновений мне показалось, что я попал к хасидскому цадику XIX столетия.

За окном раздались крики газетчиков: «сегодняшние московские газеты, заключение англо-советского договора». Я взглянул более внимательно на окружающую меня обстановку и увидел, что и у этих «последних из могикан», сквозь внешнюю оболочку искусственного возбуждения, проглядывает безнадежный пессимизм. Им нет смены. Молодежь всех социальных слоев в большинстве своем совсем уходит от религии. Некоторые особо религиозные родители, чтобы спасти своих детей от «крамолы», изолируют их от окружающей еврейской детворы, не отдают их в советские школы и т. д. Но эти усилия смешны и бесполезны. Комсомол, пионеры, советские школы, рабочие клубы оказывают могучее влияние на психологию молодежи. И «крамола» распекается широким потоком. Идет процесс формирования нового революционного коллективного быта. Вместо узкого, замкнутого внутри себя национализма широкий размах поржествующего Интернационала. И все эти клубы, праздники, культурные учреждения и организации все больше и больше углубляют завоевания революционной жизни и быта.

Вот несколько штрихов этого нового.

Прежде всего о еврейском рабочем клубе имени Лекерта (Лекерт — еврейский революционер-террорист, казненный в 1907 г.).

«За истекший год, — сообщил мне заведующий клубом, — нами проделана большая работа по борьбе с религиозными предрассудками. До 1923 года она велась чисто-агитационным способом. Устраивались уличные демонстрации. С 1923 года агитацию сменяет систематическая пропаганда. Вместо митингов — доклады и инсценировки. До 1923 года далеко не вся рабочая масса была захвачена антирелигиозным движением. Многие, посещая антирелигиозные митинги, возвращались домой и как ни в чем не бывало проводили праздник по всем предписаниям религиозной традиции. За последний год картина резко меняется. Новый быт начинает проникать в глубь рабочей семьи. Это объясняется тем, что теперь и жены рабочих вовлечены в жизнь клуба. Уже в этом (1924) году большинство рабочих не заготавливало мацу к пасхе и не справляло религиозных пасхальных обычаев. Несмотря на предоставленный отделом труда двухдневный отдых на пасху, рабочие отдыхом не воспользовались, оставшись в эти дни у станка. По вечерам рабочие ходили друг к другу в гости. Устраивались товарищеские пирушки, где произносились речи на антирелигиозные темы.

Рабочие провели у станка сплошь всю пасху, но зато целых три дня праздновали 1-е мая. В майские дни также устраивались грандиозные пирушки. Заготавливались разные сладости, печенье и пироги, на которых красовались революционные лозунги и девизы.

При клубе Лекерта открыта библиотека-читальня. Есть политические и другие кружки. Часто на еврейском языке читаются естественно-научные, политические и другие лекции. Деятельно работает драматический кружок. Летом работа клуба ослабевает, — вся жизнь переходит на улицу, а зимою снова расширяется.

Кроме этого клуба, в городе существует еврейский детский клуб имени Переца (еврейский писатель). В нем объединены до 60—70 детей возраста 12—15 лет. Заглянув туда, сразу чувствуешь, что революционные годы не прошли даром и для детей. Сильно развита

детская самодеятельность. Дети сами руководят клубом (в правление клуба входит лишь один взрослый), сами же моют полы, убирают помещение и т. п. В помещении клуба по стенам висят портреты вождей революции, картинки собственной работы детей. В углу клубная витрина. Здесь вывешиваются «официальные» объявления, стенная детская газета «Гипкер» (Искры). Вся работа ведется на еврейском языке. При клубе имеется пионерский отряд.

Приведу пару картинок из быта отряда.

Заседание совета. Читаются заявления желающих вступить в отряд. Первое заявление мальчика: «Так как меня интересует пионерское движение, и я хочу оторваться от улицы, то прошу принять меня в пионеры». Член совета дает отвод, заявляя, что поступающий плохого поведения, что он прежде дрался на улице, что его исключили из школы. Оратору возражают, что мальчик может исправиться. Мальчик зачисляется условно. Следующий вопрос об исключении пионера из отряда. Мотивы: он не является на сборы, проходит зайцем в театр, встретившись с комсомольцами, спал им грубиянничать, говорил: «что мне комсомольцы, я никогда в Комсомол не поступлю!» Мальчика исключают.

Занятия звеньев (пионерский отряд делится на звенья, по 10 человек в каждом). Решается вопрос о допущении к торжественному обещанию. О каждом поварище надо выяснить, соблюдает ли он пионерские законы, старается ли чем может помочь окружающим, слушает ли родителей и т. д. Опрашиваемые защищаются: «Я, — говорит один, — дружу с уличными беспризорными детьми, показываю им хороший пример, предлагаю им записаться в клуб». «Я веду себя хорошо дома и на улице, — говорит девочка, — если вижу на улице дерущихся детей, стараюсь их помирить». Третий опрашиваемый говорит: «Я уговорил мальчика записаться в клуб. Его мать говорила мне, что если сына примут в клуб, то она будет очень рада». Так производится общественный суд детей над своими поварищами. Они строго охраняют

чистоту репутации пионера. Недостойные к принесению торжественного обещания не допускаются; оно свято почитается со всей пылкостью детского энтузиазма.

Здесь же на занятиях звенцев часто разбираются вопросы антирелигиозного характера. Слушая беседу детей, которые больше инстинктом чувствуют, нежели логикой доходят до того, что религия является чем-то им враждебным, трудно сохранить серьезный вид. Веселая улыбка сама собой появляется на лице.

А вот еще картинка из этой области:

Группа детей приблизительно 10—12 лет проходила по кладбищенской улице. В окне одного дома виднелась фигура молящегося еврея в талесе. «Смотрите, — он молится», — закричали дети. В голосе детей чувствовалась насмешка и сознание своего превосходства.

Проходя мимо синагоги, я увидел другую группу детей, они распевали под окнами синагоги революционные песни: «Долой, долой монахов, раввинов и попов, залезем мы на небо, разгоним всех богов» и т. д. В синагоге в это время выступал *magid* (проповедник). Дети ворвались в синагогу и подняли там невообразимый шум. И только после долгих уговоров шамесу удалось удалить их из синагоги. Мальчик лет 12—13-ти подошел ко мне и сказал: «Нужно прибить к дверям синагоги кресты, парики разозлятся».

Об отношении молодежи к религии, лучше всего говорят факты почти абсолютного отсутствия молодежи в каких бы то ни было религиозных учреждениях, значительное преобладание гражданских браков и сравнительно большое количество браков смешанных (на одной лишь N-ской площади, где я жил, я насчитал четыре смешанных брака).

Среди старших групп населения рабочие окончательно ударились в безверье. У кустарей и мелких торговцев тоже значительный сдвиг. Работая летом среди последних, я по-и-дело встречал «полурелигиозных людей». Особенность этой категории состоит в том, что они пока еще не дошли до отри-

цания существования бога, но уже отрицают обрядовую сторону религии: ежедневные молитвы, субботний отдых и т. д. «Но почему же в йом-кипур не сходить в синагогу, или в пейсах не поесть мацы?» — покладливо рассуждают они. Все же границы их отрицания с каждым днем медленно, но верно расширяются. лишь немногие остались непоколебимыми в своих верованиях.

Подводя итог, приходится признать факт разложения старой еврейской религии.

Скорость и интенсивность этого процесса все возрастает, при отсутствии каких бы то ни было перспектив на его прекращение или хотя бы замедление.

Б. Пульнер.

М ЭН
ПО Д

